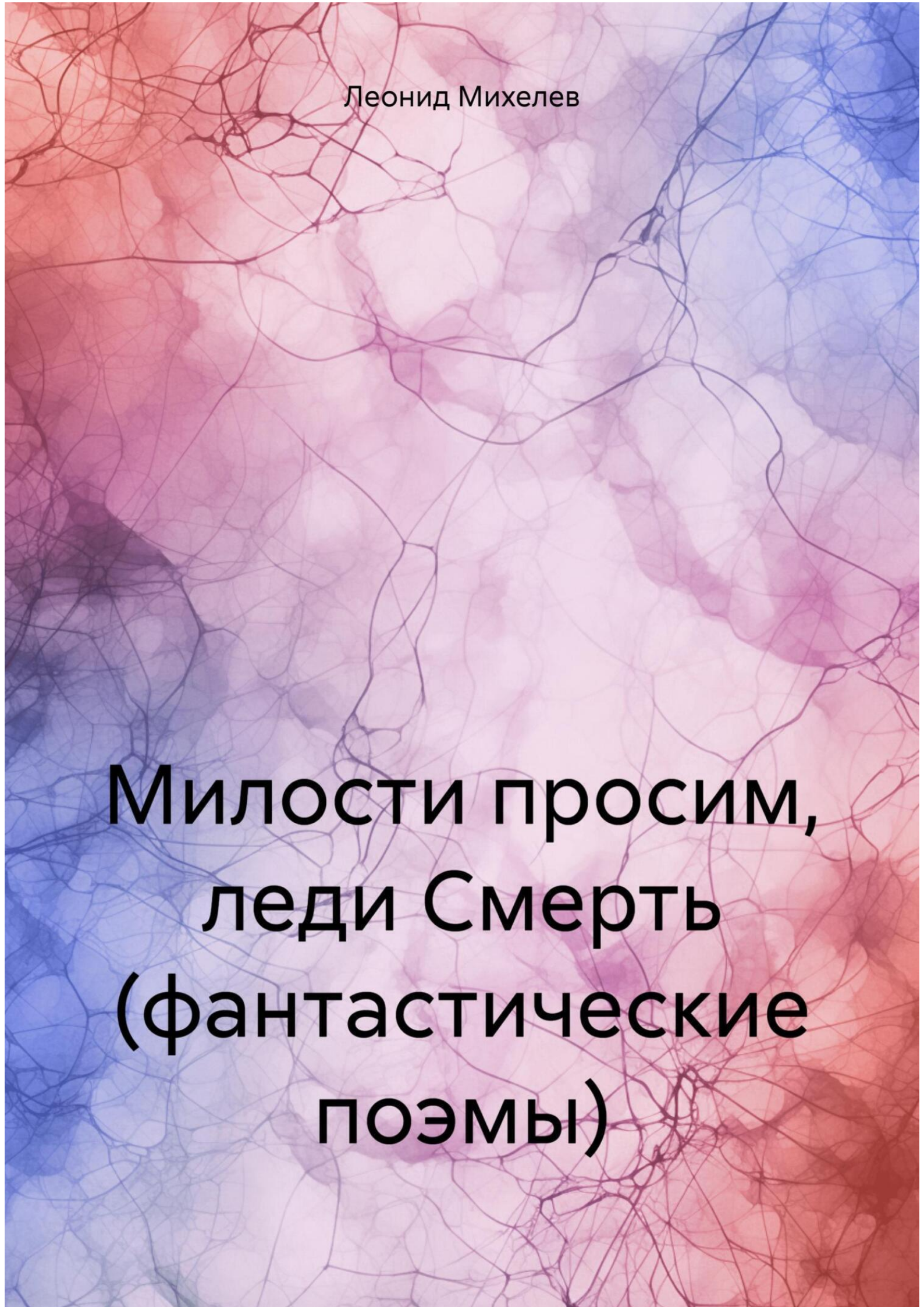

Леонид Михелев

**Милости просим,
леди Смерть
(фантастические
поэмы)**

Леонид Михелев

**Милости просим, леди Смерть
(фантастические поэмы)**

«Автор»

2024

Михелев Л. И.

Милости просим, леди Смерть (фантастические поэмы) /
Л. И. Михелев — «Автор», 2024

Американские фантаст Питер Соьер Бигл Безмерно богатой леди Невилл приелись празднества. Она по-прежнему собирала у себя в доме самых прославленных людей страны и, чтобы развлечь их, приглашала искуснейших жонглеров, акробатов, танцовщиц и факиров, но самой ей на этих приемах становилось все скучнее и скучнее... И вот однажды летом созвала она близких друзей и молвила:.. Друзья мои, на ближайшем балу почетным гостем будет ни кто иной, как Смерть! Джеймс Эдвин Ганн (1923–2020) – американский писатель-фантаст, критик, преподаватель, профессор Канзасского университета, основатель мемориальных премий Старджона и Кэмпбелла. Дважды лауреат премии «Хьюго», грандмастер «Небьюлы», автор почти двух десятков романов и более ста рассказов и повестей. Повесть «Где бы ты ни был» с момента публикации в нашей стране пользовалась большой читательской любовью и была дважды перенесена на экран.

© Михелев Л. И., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Милости просим, леди Смерть!	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Михелев
Милости просим, леди Смерть
(фантастические поэмы)

Милости просим, леди Смерть!

(Поэма по рассказу Питера Сойера Бигла)

Глава первая

Случилось это в Англии в те годы,
когда на троне был король Георг.
Монарх английским не владел свободно,
акцент немецкий он не перевозмог.
Сынов своих он просто ненавидел,
и разумом господь его обидел.

А в Лондоне в то время проживала
одна из всем известных, светских дам.
Как Флору Невилл эту леди знали.
К ней на балы король являлся сам.
Преклонных лет была она вдовою,
богата, словно Крез, само собою.

Огромный особняк её шикарный,
почти у Букингемского дворца,
по вечерам в сиянии янтарном
встречал гостей известных, без конца.
На званных вечерах её бывали
и пэры Англии, и те, кого едва ли

на улицах в открытую встречали.
И леди Невилл в Лондоне слыла
умнейшей, остроумной. Все молчали,
когда она в собраньях речь вела.
Балы она давать не прекращала.
но, наконец, совсем от них устала.

Все празднества приелись старой леди.
хотя она звала на вечера
известных и прославленных на свете
людей, таких желанных и вчера.
И, чтоб развлечь их, леди приглашала
искуснейших жонглёров. И немало

бывало у неё и акробатов,
факиров, танцовщиц и музыкантов.
Но это ныне было ей не надо:
душа не принимала их талантов.
Ей было скучно, и не занимали
её придворных сплетни и печали.

Феерия в тоску её вгоняла,
а музыка, небесной красоты
отныне вообще не волновала,
не пробуждала прежние мечты.

Когда же леди видела воочью
влюблённых пар сияющие очи,

когда она их танец наблюдала,
с недавних пор ей очень грустно было
Она себя сама не понимала,
Ведь грусти вообще не выносила.
И вот в погожий день, однажды летом
она друзьям сказала за обедом:

«Я с каждым днём всё больше убеждаюсь,
что у меня в гостях мои друзья
все веселятся, в чём не сомневаюсь.
Все, как один, но только лишь не я!
А долголетия моего секрета
на самом деле не было, и нету.

Всю жизнь мою мне было интересно
всё, что вокруг творится, и всегда
понять хотелось то, что неизвестно,
всё то, где правят радость и беда.
Я скуки не терплю, и сообщаю,
что больше совершенно не желаю

зевать, скучать на собственных приёмах.
Поэтому на свой грядущий бал,
который состоится в этом доме,
я приглашу, кого не приглашал
ещё никто и никогда покуда.
Почётным гостем в этот раз пребудет

тот гость, кого вы скучным не сочтёте –
известный всем, невиданный никем.
Знакомый людям по его работе.
Кто в должный срок приходит к нам, ко всем!
Друзья мои, почётным гостем будет
ни кто иной, как Смерть, что к нам прибудет!

Идея леди Невилл лишь поэту
бесспорно приглянулась. Лоримонд
одобрил всей душой идею эту.
Но отшатнулся от неё бомонд.
«Нам умирать не хочется!» – твердили.
От ужаса, как мумии, застыли. –

Ведь Смерть придёт за каждым в час урочный.
К любому неминуемо придёт!
Зачем же вызывать её досрочно,
не дожидаясь, когда час пробьёт»?

На это леди Невилл отвечала:
«Вот именно,— друзьям она сказала:

ведь, если Смерть решит, что в вечер бала
настал черёд кого-то унести,
то явится незваной, как бывало
уже не раз на жизненном пути.
Но если никому из нас в тот вечер
не суждена смертельная с ней встреча,

то кажется мне, будет очень мило
чтоб в этом доме появился гость
такого ранга, первобытной силы!
Ведь никому принять не довелось
такое удивительное чудо.
Узнав об этом, Лондон в шоке будет!

Вся Англия завидовать нам станет»!
Такая мысль пришлась по вкусу всем.
Лишь юный лорд, здесь не бывавший ранее,
сказал, что он уверен не совсем:
«У Смерти и без нас забот по горло.
Она ведь может отказать вам гордо»...

«Никто не отклонял ещё ни разу
на вечер приглашенья моего!—
Неспешно отчеканив эту фразу,
хозяйка отвернулась от него.
И лорд? Он не был зван на бал грядущий.
А леди занялась немедля сущим:

Она, отринув всякие сомненья,
уселась за прелестный секретер,
писать своё для Смерти приглашенье.
Но Смерти же не скажешь просто «сэр».¹
Хоть предложений тут немало было,
но, ни одно из них не подходило.

Ну, скажем «Ваше лордство»? Не годится.
Виконт так титулован, да барон...
На «Вашу милость», что ли согласиться?
Для герцога у нас приемлем он.
Но леди Невилл путь нашла неверным,
и титул посчитала лицемерным.

А обратиться к Смерти со словами:
«Величество», совсем, как к королю?

¹ Слово смерть на английском языке мужского рода

Нет. Леди Невилл (строго, между нами),
так не сказала б, даже во хмелю.
Сошлись на том, как здесь не раз бывало,
титловать его, как кардинала.

«Преосвященство» – титул подходящий.
Из всех всего он лучше подойдёт.
И тут задал вопрос в тени сидящий:
«Как приглашение к Смерти попадёт»?
То был известный в Англии повеса,
предмет у дам большого интереса,

лихой рубака Компсон – элегантный,
лихой наездник, бравый капитан.
«Кому известен адрес? Дом приватный?
Ведь здесь предположений океан»!?
На это леди Невилл заявила:
«Меня бы, право, очень удивило,
когда бы от кого-то я узнала,
что Смерть живёт не в Лондоне у нас.
Не представляю, как не повстречались
мы у дворца, на улицах хоть раз.
Ведь публика приличного покроя
не сменит Лондон ни на что иное!

Ну, выезжает, разве что, на лето
в Довилль. И Смерть, скорей всего живёт
здесь по соседству. Часть столицы эта
ведь самой фешенебельной слывёт.
Не может быть, чтоб дом не отыскали:
ведь Смерть не станет жить в другом квартале!

Почти что все с хозяйкой согласились.,
лишь Дэвид Лоримонд – большой поэт,
сказал «Миледи, вы поторопились!
Жилища Смерти не было и нет
в Вестминстере, Камдене... нет, миледи,
районы те не для жилища Смерти.

Смерть проживает в грязном переулке,
в лачуге мерзкой, полной вшей и крыс.
Средь бедняков, в безликом закоулке,
где пахнет... пахнет». (Тут поэт завис).
Отчасти потому, хоть трусом не был,
почуял недовольство леди Невилл.

Отчасти потому, что он ни разу
в такой лачуге просто не бывал,
Поэт боялся всяческой заразы,

и, чем там пахнет, он не представлял.
«Но Смерть,— закончил он,— живёт средь бедных —
друг бедняков в страданиях несметных».

Поэту леди Невилл отвечает
столь холодно, как лорду до него:
«Смерть вольно ли — невольно посещает
и бедных, не минуя никого..
Но общества и дружбы этих нищих
она, поверьте, Дэвид, мне, не ищет.

Поверить трудно в то, что Смерть считает,
что бедняки — все люди, как и мы.
Ведь Смерть в аристократах пребывает.
Не станет жить средь нищеты и тьмы»!
Оспаривать не стали лорды, леди
того, что вероятный адрес Смерти

их адресам ничуть не уступает.
Аристократ живёт, конечно, тут!
Да вот беда — никто из них не знает,
где улицу и нужный дом найдут.
«Вот, если б шла война,— заметил Компсон,—
Смерть повидать нам было б очень просто.

Я, знаете ли, сам не раз пытался,
лицом к лицу со Смертью говорить.
Но нет, как нет. Выходит, зря старался.
А почему? Не мне о том судить»
«Понятно,— обронила леди Невилл,—
Вопрос ваш к Смерти, видно, скромным не был...

И этикет не слишком-то блюдёте,
мой капитан. Дождаться нужно б вам,
покуда Смерть, прервав свои заботы,
заговорить изволит с вами сам»!
И леди капитану улыбнулась,
как, дамы — все, кто с ним переглянулись.
Вдруг леди Невилл словно озарило.
В её глазах блеснули ум и сила.

«Друзья мои,— собравшимся сказала,—
Поведал, завершая туалет,
мой кауфер², что сын — ребёнок малый
смертельно болен и надежды нет.
Пошлю-ка я за ним. И вот решение:
пускай вручит он Смерти приглашение,

² Парикмахер

когда наш адресат к нему в коморку
за отпрыском его на днях придёт.
В других попытках я не вижу толку.
Иначе, как письмо его найдёт»?
«А если б куафер не согласился?—
Промолвил лорд, тот, что на днях женился.

«С чего бы это?— Леди удивилась.
И обществом одобрен этот план.
Поэт лишь от восторгов отстранился.
«Мне кажется, должно быть стыдно нам,—
сказал он грустно — Это так жестоко,
безнравственно, В душе моей тревога!...

«Но, Дэвид, почему?— так простодушно
спросила леди Невилл у него.
И он умолк, ушёл в себя послушно.
И больше здесь не слышали его.
За кауфером тотчас же послали.
Его совсем недолго ожидали.

Когда с улыбкой нервной перед ними,
сцепивши пальцы, кауфер предстал,
(ведь каждого из лордов знал он имя
и знатных леди здесь не раз видал),
тогда-то леди Невилл втолковала,
что вскоре должен сделать этот малый.

А он и не подумал отказаться.
И леди улыбнулась налегке.
Он, с разрешения, ретировался —
визитка с приглашением в руке.
Два дня о нём ни слуху и ни духу.
На третий день является. Без звука

конвертик леди маленький вручает.
«Ах, как любезно! — и конверт берёт.
Взволновано она его вскрывает
и скромную визитку достаёт..
И надпись филигранную читает:
«Смерть ваше приглашенье принимает,

благодарит и будет непременно
у леди Невилл на балу её».
«Ну, вот и славно. Всё прошло отменно—
сказала леди Невилл.— Вы своё
исполнили достойно порученье,
в чём на мгновенье не было сомненья.

Как Смерть, однако, выглядит, скажите»?
Но кауфер ни слова не сказал.
Глядел он мимо леди, «Расскажите
в какой одежде Смерть» Но он молчал.
И, не дождавшись от него ответа,
хозяйка прервала дознание это.

Собрать своих друзей она решила.
И снова, нетерпением горя,
с допросом к кауферу подступила.
Но все её вопросы были зря.
Её друзья уж карту захватили.
Картонку десять раз передавали

с рук в руки. Тщетно выявить пытались,
какую-то особую черту.
Но, как они всем скопом не старались,
попытки уходили в пустоту.
Была визитка Смерти несомненно
на ощупь и на вид обыкновенной.

Она лишь слабый запах источала —
известный людям лёгкий аромат.
Поэт нашёл, что по весне, бывало,
благоухает так вишнёвый сад.
Потом от утвержденья отказался.
Сказал, что так сначала показалось.

Но капитан же Компсон острым глазом
заметил то, что пропустили все.
Лишь только посмотрел, промолвил сразу:
«Здесь женская рука во всей красе!
Кто видел почерк более изящный?
Здесь буквы разбегаются вальяжно,

бегут себе свободно в каждой строчке
как лёгкий, серебристый ручеёк,
и плавно добираются до точки!
Да, женская рука. Я б так не смог.
По-моему мы время зря теряли,
«Его преосвященством» величали»...

Все зашумели, все заговорили,
и вновь по кругу карточка пошла.
И раз за разом гости повторили:
«Ей-богу, верно»! Карточка пришла
к поэту в руки. Он сказал, подумав:
«Смерть — женщина! К чему же столько шума?

Мы ожидать вполне могли такого.
Смерть—женщину я б лично предпочёл».
Но brave Компсон здесь опять взял слово.
О виде Смерти речь свою повёл.

«Смерть скачет на коне огромном, чёрном,—
заверил он.— В бою, в ущелье горном,

я видел, как разил он без разбора
направо и налево, как солдат.
Доспех его, как конь его, был чёрным.
И выше был он смертного пять крат!
Я думаю, писали эти строки
сам кауфер с женою без мороки».

Тут кауфера гости окружают
наперебой вопросы задают:
«Кого же леди Смерть напоминает»?
«На сколько к вам пришла она минут»?

«Она была действительно живая»?
«Не ты ли эти строки написал»?
«Но, кто же Смерть? Ты это точно знаешь!
Мужчиной или женщиной предстал»!
Но кауфер не произнёс ни слова.
А гости леди уж на всё готовы!

То всякие награды обещают,
то карами ужасными грозят.
А он безмолвен. Он не отвечает.
На стену вперил отрешённый взгляд.
Никто, как видно, так и не узнает,
что видел он и, что от всех скрывает.

«Не вздумал ли над нами потешаться?—
кричали гости. Кауфер молчал.
«Не станем больше с этим разбираться,—
сказала леди Невилл. Скоро бал»!
Избить его она велела слугам.
и вытолкать из дома «по заслугам».

Когда его из зала выводили,
он на хозяйку даже не взглянул.
В лицо ей посмотреть он был не в силах.
и тихий ужас речь его замкнул.
К молчанию друзей призвала леди.
Она сказала: «Ни за что на свете

грядущий бал мой отменён не будет.
Он состоится через десять дней!
И то, в каком обличье Смерть прибудет
мне безразлично. Повстречаюсь с ней
в мужском ли, женском облике, в бесполом.
Явление Смерти тайн откинет полог»!

И безмятежно леди улыбалась:
«Смерть – женщина! А я не удивлюсь!
Раз женщиной старушка оказалась,
то я её нисколько не боюсь.
В мои года страшиться мне излишне
особы, что пером гусиным пишет.

Ступайте по домам, готовьтесь к балу
и слугам сообщите поверней,
чтоб раструбили весть по всем кварталам
об этом бале через десять дней.
Пусть знают все: никто за этот вечер
по всей Земле не будет Смертью встречен.

и не умрёт никто. Тому причина:
Смерть будет веселиться на балу
у леди Невилл. У неё в гостиной,
и дом покинет только лишь к утру»!

Глава вторая

И десять дней шла подготовка к балу.
О, леди Невилл старый особняк!
Ты засиял красою запоздалой!
Лишь в день рожденья выглядел ты так!
Своим особняком гордилась леди.
Одним из лучших мыслила на свете.

Но перед балом испугалась очень,
что дом её для Смерти слабоват.
Ведь леди Смерть бывала днём и ночью
в любых дворцах, любых вельмож стократ!
И мучило хозяйку подозренье,
что Смерть подвергнет дом её презрению.

И леди самолично наблюдала
за всей уборкой, за работой слуг.
Чтоб серебро и золото сверкало,
чтоб ни пылинки не осталось вдруг
на дорогих коврах её и люстрах,
на мраморных великолепных бюстах.

Когда к приёму было всё готово,
она, созвав своих покорных слуг,
заставила их всё проделать снова,
на случай, если Смерть заметит вдруг
случайно на гардине паутинку,
а на стекле случайную пылинку.

Себе же леди Невилл подобрала
шикарнейшее платье. И оно
роскошной красотой своей сияло.
Причёску сделать было решено
в старинном стиле. Пусть же Смерть узнает,
что возраст свой хозяйка не скрывает

Прелестниц юных модные причёски
копировать ей вовсе не с руки.
А юности далёкой отголоски
не вызывают боле тоски.
Косметикой не злоупотребляла.
Лишь только губы тронула сначала

помадой бледнорозовой и тени
привычно наложила под глаза,
припудрилась, не ведая сомнений,
что не вернётся девичья краса.

Но в зеркало так пристально смотрела,
как будто углядеть в себе хотела

невиданную ранее примету.
Но видела лишь старое лицо,
знакомое всему большому свету,
глаза свои, налитые свинцом...
Съезжаться гости стали очень рано.
Кареты подъезжали непрерывно.

На мостовой у дома видит леди,
взглянув в окно, скопление карет.
И дальние, и ближние соседи.
Породистей коней на свете нет!
Подумала она: «Опять всё то-же.
На похороны очень уж похоже».

А гости прибывали, и дворецкий
выкрикивал в дверях их имена.
Английский, итальянский и немецкий –
любая тут представлена страна!
– Капитан королевской гвардии Генри Компсон! Мистер Дэвид Лоримонд! Лорд и леди
Торренс! (молодожёны). Сэр Роджер Гаррисон! Графиня делла Кандини!

Всем прибывшим протягивала руку
для поцелуя леди – этикет.
Под музыки чарующие звуки
сходили гости в залу, на паркет.
Оркестр из самых лучших музыкантов
был леди Невилл приглашён приватно.

Но, как ни странно, ныне, как обычно,
ещё никто не вышел танцевать
И лорды в этот час, что не прилично,
хозяйку не спешили приглашать
на первый танец. Кучками слонялись
но залу гости. И не отрывались

их взоры от дверей. Все ожидало!
И вздрагивали гости всякий час,
когда карета к дому подъезжала.
Потом шептали: «Не на этот раз»!
Тихонько с облегчением вздыхали
и снова напряжённо ожидали.

«Зачем они на бал ко мне явились,
когда их мучит этот мутный страх?–
пробормотала леди Невилл, силясь
хранить свою улыбку на устах.–

Я ж Смерти не боюсь. Надеюсь очень,
что, посетив мой дом сегодня ночью,

она его найдёт одним из лучших,
оценит также вин моих букет.
Умру я раньше всех из этой кучи,
но страха смерти в моём сердце нет».
А между тем, тревожность возрастала.
И леди Невилл волноваться стала,

хоть и уверена, что Смерть придёт
не раньше полночи, она, как все,
нервозности поддавшиеся люди,
вертелась, как они, во всей красе:
садилась и вставала и ходила,
от десяти бокалов пригубила,

до дна ни одного не осушила,
и всё глядела на свои часы.
По циферблату пальцем проводила,
желая стрелок подогнать усы.
Когда настала полночь, леди Невилл
почти не различала быль и небыль.

прислушиваясь, не шуршит ли гравий
под тяжестью окованных колёс.
Но бой часов! Он вскрикнуть всех заставил,
а дамы перепуганы до слёз.
Но вмиг умолкли, одолели чары
и стали вслух отсчитывать удары.

Виски у леди Невилл, как клещами,
сдавила боль. Поплыл нарядный зал.
Но в зеркале, тонувшем в дивной раме,
увидела она свои глаза,
своё лицо, как в приступе удушья,
без тени напускного добродушья.

И мысль о Смерти в голове мелькнула:
«Должно быть, это старая карга,
но сильная и злая, как акула.
Страшнее нет, и не было врага.

Но, как могло такое получиться?
Лицо её точь-в-точь, как у меня».
Тут бой часов внезапно прекратился
и все умолкли, тишину храня.
Когда глаза открыла леди Невилл,
увидела: исчез недавний трепет.

В речах и облегченье и досада.
Смерть не явилась. Больше нет карет.
Кой-где смеялись. С леди Невилл рядом
лорд Торренс говорил своей жене:
«Ну, вот и всё. Ведь это просто шутка.
А Смерть к нам не придёт ни на минутку»!

«Погибла я!– решила леди Нвилл.–
Задать хотела грандиозный бал,
чтоб тот, кто зван ко мне на праздник не был
пред всей столицей от стыда сгорал.
И вот мне за гордыню воздаянье –
отказ я получила в наказанье»!

К поэту Лоримонду повернувшись,
она сказала: «Потанцуй со мной!–
И музыкантам головой кивнувши,
добавила,– Последний танец мой.
Сегодня потанцуй со мной подольше,
балов я не устраиваю больше».

И Лоримонд с поклоном вывел леди
на середину зала под смешок.
Все гости расступились в ярком свете.
Их смех негромкий временно умолк.
«Ну, что теперь? Пускай себе смеются,–
подумала хозяйка,– Не дождутся

ни признака расстройства и печали.
Ведь не боялась Смерти я тогда,
когда они тряслись и умоляли,
чтоб Смерть не появлялась никогда!
С какой же стати мне бояться смеха?
Их смех для чести дома не помеха».

И леди вновь глаза свои сомкнула,
Танцуя, расставалась навсегда...
Но коротко вдруг лошади ржанули
на площади у дома. Как тогда,
как в полночь, разом вскрикнули все гости.
И снова тишина, как на погосте.

Шагов тяжёлых мерный стук раздался.
То шёл дворецкий в мёртвой тишине.
Все вздрогнули, как будто в дом ворвался
холодный ветер ночью при луне.
Приятный голос тишину нарушил:
«Я опоздала? Вот печальный случай!

Ах, извините! Кони в том повинны!
И, прежде чем дворецкий доложил,
порхнула в дверь, с улыбкою невинной
красавица во цвете лет и сил.
Она была стройна и грациозна.
На вид лет девятнадцать дать ей можно.

В своём нарядном платье белоснежном
была так неожиданно мила,
как будто в дом родной на праздник спешно
родная внучка к бабушке пришла.
Ей кудри золотистые, густые
на плечи ниспадали молодые,

мерцавшие тепло и так наивно,
что взгляда невозможно оторвать.
И личико её светилось дивно –
нежнее кожи в мире не сыскать.
Невольно дамы, в том числе и леди,
коснулись лиц своих, совсем, как дети!

им пальцами немедля захотелось
проверить нежность кожи на щеках.
Но тотчас их отдёргнули несмело.
Кто устыдился, кто почуял страх...
У гости бледно-розовые губы
А у других они довольно грубо

намазаны оранжевым и красным,
а вон у той – лиловым, под наряд..
Глаза у леди Смерти так прекрасны!
Ни спеси, ни гордыни – добрый взгляд
А над глазами сросшиеся брови.
Взглянув на них одна из дам злословит:

«Мне кажется, в ней примесь несомненна
цыганской крови»! «Думаю, что так!–
другая подхватила,– Непременно!
И кое-что похуже – верный знак»!
(Она была любовницею мужа
той дамы. И они домами дружат).

«Потише, вы!– но громче, чем хотела,
сказала леди Невилл. И она
едва достойный вид вернуть успела,
как девушка – подвижна и стройна,
на звуки голоса к ней повернулась,
и так беспечно, мило улыбнулась.

В ответ пыталась улыбнуться леди,
но губы не повиновались ей.
Она отдать, готова всё на свете,
чтоб встретить Смерть приветливей, милей.
«Прошу вас, леди Смерть, в мои пенаты!—
она сказала,— Все вас видеть рады»!

И девушка направилась к старухе.
И лёгкий вздох в собрание прошуршал,
когда она пожала леди руку,
склонилась перед нею, не спеша,
подобно схлынувшей волне игристой
и поднялась в своём сиянье чистом.

«Ах, леди Невилл! Здесь я словно дома.
Благодарить вас не хватает слов!—
Её акцент неясный, но знакомый,
такой, как аромат её духов.—
Моё мне опоздание простите,—
добавила серьёзно.— Извините,

До вас я добиралась издалёка.
Устали кони». «Вот и отдохнут,
Возьмёт их конюх под свою опеку.
Он их почистит, корм задаст им тут,—
сказала леди Невилл. «Нет! Не нужно!
Моим коням его забота чужда,—

ответила ей девушка поспешно.—
Ему к ним запретите подходить.
Его забота будет безуспешной
И он легко их может разозлить».
Бокал вина неспешно, по глоточку
Смерть выпила и, словно ставя точку,

вздыхнула с явным удовлетвореньем:
«Какое же отменное вино!
И дом у вас — прекрасное строенье,
А ваш приём! Не каждому дано
устроить званный бал, такой чудесный,
с таким уменьем, вкусом, всем известным»!

«Благодарю!— хозяйка отвечала,
но чувствовала взгляды на спине.
И кожей леди Невилл ощущала
всю зависть женскую, идущую извне.
«Мне так хотелось бы пожить здесь лично—
сказала леди Смерть ей мелодично.—

Да так оно когда-то и случится»...
Заметив, что хозяйка не в себе:
«Ах, что же я! Мне нужно извиниться!
Я так жестока в жизненной борьбе,
хоть вовсе не желаю быть жестокой,
но занята я миссией высокой.

а в обществе почти и не бываю,—
Она старуху за руку взяла.—
Вот потому-то всякий вздор болтаю».
Её рука приятною была —
легка, тепла. Глаза, как у газели
на леди Невилл жалобно глядели.

И леди Невилл госте отвечала,
оправившись, приняв достойный вид:
«Ведь вы мой гость! От крыши до подвалов
мой дом моим гостям принадлежит»!
«Спасибо!— Смерть её благодарила
и улыбалась так открыто, мило,

так лучезарно, искренне, несмело,
что музыканты начали играть.
Остановить хозяйка их хотела,
Но леди Смерть просила продолжать:
«Какая музыка чудесная,— сказала.—
Ах, как же я давно не танцевала»!

Глава третья

И музыканты бодро продолжают
играть живой, пленительный гавот.
А леди Смерть нисколько не смущает,
что смотрят на неё, открывши рот,
со скрытым ужасом четыре леди,
хоть это неприлично в высшем свете,

что гости непрерывно наблюдают
за ней во все глаза исподтишка.
Их взглядов леди Смерть не замечает.
Двумя руками приподняв слегка
подол её изысканного платья,
притопнула ногой с игривой статью

и музыке зовущей покорилась –
мурлыкала мелодию без слов.
«Я танцевать, должно быть, разучилась, –
сказала грустно. – Время унесло
те дни, когда я часто танцевала
часы, когда была царицей бала»!

Она была застенчива на диво.
Не поднимала глаз, чтоб не смутить
тех юных лордов, что могли б красиво
её на новый танец пригласить.
А леди Невилл от стыда сгорала,
хотя его десятки лет не знала:

«Неужто на моём балу унизят
такую гостью? – думала она. –
Забыв о долге, чести и престиже?
Другую, как бы ни была страшна,
наперебой все приглашать бы стали,
и с той каргой всю ночь бы танцевали.

Они ведь джентльмены – им известно,
чего от них хозяйка бала ждёт!
Но нет такого, как это не лестно,
кто леди Смерть на танец позовёт –
красавицу и леди высшей пробы.
Боятся с нею встретиться до гроба»!

Украдкой леди Невилл покосилась
на лорда Лоримонда. Он застыл,
лицо горело, пальцы рук сцепились.
От Смерти взгляда он не отводил

Она его плеча коснулась: «Дэвид»!
Но он «не слышит». Кто бы мог поверить!

Тут выступил вперёд рубака Компсон.
В военной форме бравый капитан.
Изящно поклонился Смерти. Тотчас
её ответ ему улыбкой дан.
«Ах, Компсон! Капитан, о том мечтала!
В своих мечтах я с вами танцевала»!

Нахмурились, услышав это дамы:
«Мужчине непристойно говорить
любезности в лицо легко и прямо»!
Но Смерть могла б их снова повторить.
Ей дамские укоры безразличны.
Она тут развлекается отлично.

И вот вложила ручку, улыбаясь
в предложенную руку. Капитан,
под взглядами бомонда, не теряясь,
повёл её, как яхту в океан.
На середину зала вывел леди.
И вот он с ней один на целом свете.

Она сначала плохо танцевала.
Старалась в такт партнёру угодить.
Казалось, танца этого не знала,
Похоже, ритм не может уловить.
А капитан скользил вполне достойно
И юмор в нём проглядывал пристойно.

Но леди Невилл, встретившись глазами
со взглядом капитана, поняла:
он в ужасе, но делает упрямо
что только от него она ждала.
Как гость желанный он пришёл на бал,
и с блеском, как обычно, танцевал.

«Поддерживать престиж,— уж мне поверьте,—
достойно станет храбрый капитан.—
В бою ли, на балу, в объятьях смерти
себе он верен, трезв он или пьян!
Надеюсь, вскоре, кто-нибудь из лордов
придёт его сменить под звук аккордов»!

Но не спешили лорды к этой паре.
И Компсон продолжал с ней танцевать.
Лишь Лоримонд, танцуя с леди старой,
смотрел на Смерть. «Других не стоит ждать,—

сказал он.– Мне их страх противен»!
А в это время проплывали мимо

смерть с капитаном. Разговор их слышен:
«Но, если в том бою я видел вас,
то, как могли вы... – помолчал, и тише,–
такой явиться прелестью для нас»?
Смерть рассмеялась весело и тихо:
«Но даже Смерть не может быть безликой!

И на балу, среди людей красивых
красивой лучше быть. Боялась напугать,
испортить бал,– добавила игриво,
чтоб гости не страшились вспоминать».
И Лоримонд сказал: «Теперь всё ясно.
Я знал, что Смерть окажется прекрасной,

хоть все её уродиной считали».
«Так почему ты не танцуешь с ней?–
спросила леди Невилл. «Я в печали.
Вот полюбуюсь,– он ответил ей,–
и приглашу красавицу на танец».
Но сам взволнован, на щеках румянец.

А музыканты весело играли.
За танцем танец уносили ночь.
И с леди Невилл гости танцевали.
Один лорд Торренс не отходит прочь
от молодой жены. Не отпускает.
Он, словно, оградить её желает.

И капитан – партнёр бессменный гостыи.
Лихой, неотразимый кавалер.
Сама же Смерть так весело и просто
гостям являет грации пример.
Теперь она шикарней всех танцует.
Полётностью движений всех чарует.

В какой момент растерянность сменилась
движений плавных милой красотой,
никто и не заметил. Превратилась
она в звезду из девушки простой.
Её улыбка каждому сияла.
Она, танцуя, что-то напевала –

под музыку слова в стихи вязала
и окликала каждого из тех,
кто на глаза ей попадался в зале.
По имени она здесь знала всех.

Не зная отчего, старался каждый
её услышать. Это было важно.

Когда, танцуя вальс, свой шлейф чудесный
Смерть через руку лихо забрала,
чтоб двигаться свободно, словно песня,
то леди Невилл гостью назвала
неведомою лодочкой плывущей,
под парусом легко себя несущей.

«Ей дамы все завидуют ужасно!—
сказала леди Невилл про себя.—
Но, что тут скажешь? Ведь она прекрасна!
А не завидую ей только я!
И не боюсь ни капельки, ни сколько!
Горжусь собой – держусь довольно стойко»!

Вдруг музыка умолкла так спонтанно
и так неожиданно, как и началась.
И в тишине такой глубокой, странной
тревоге только Смерть не поддалась.
Покинула партнёра, тронув локон,
и подбежала к одному из окон.

И занавеси смело раздвигает
и, стоя к залу и гостям спиной,
«Глядите!– удивлённо восклицает,—
Там, на свободе, мир совсем иной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.